

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20190308

УДК 821.161.1."15"

Л.И. ЖУРОВА

О РОЛИ ГЛОСС И МАРГИНАЛИЙ В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI в. (МИТРОПОЛИТ ДАНИИЛ И МАКСИМ ГРЕК)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Определение роли глосс в движении авторского текста – одна из важных и сложных проблем текстологического анализа средневекового произведения. Цель настоящей статьи – наметить подходы к ее решению на примере анализа сочинений митрополита Даниила и Максима Грека. Установлено, что в главах «Соборника» митрополита Даниила глоссы представляют (согласно герменевтической классификации) буквальные интерпретации. Главными функциями глосс в сочинениях Максима Грека являются толкование, раскрытие символики и образности повествования, углубление смысла текста, его комментирование (аллегорический и тропологический типы интерпретаций). Глоссы и маргиналии в сочинениях Максима Грека, в отличие от Слов митрополита Даниила, разнообразны по своему назначению. В творчестве ватопедского монаха глоссирование не было одноактным процессом, в нем принимали участие писцы и редакторы рукописей. В статье сделана попытка выявить признаки, различающие авторские глоссы и схолии, составленные книжниками.

Ключевые слова: глосса, маргиналия, автограф, «Соборник» митрополита Даниила, собрания сочинений Максима Грека, книжная культура Московской Руси.

L.I. ZHUROVA

THE ROLE OF GLOSSES AND MARGINALIA IN THE BOOK CULTURE OF MUSCOVITE RUSSIA OF THE XVI CENTURY (METROPOLITAN DANIEL AND MAXIMUS THE GREEK)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Defining the role of glosses in the progression of author's narrative is one of the significant and complex problems of textological analysis of a medieval work. To put forward approaches to its solution on the example of analysis of the writings of Metropolitan Daniel and Maximus the Greek is the goal of this article. It has been established that in the chapters of *Sobornik* of Metropolitan Daniel, glosses, as a rule, accompany extracts and quotations from patristic literature which are assembled according to themes and compiled probably at Daniel's order by the scribes of Joseph-Volokolamsk Monastery who worked in the metropolitan workshop. By their nature, the glosses of *Sobornik* represent (according to hermeneutic classification) literal interpretations. The early writings of Maximus the Greek (before the year 1525) contain single glosses of a lexicographic character. We find many scholia in Joasaph and Khludov collected works of Maximus the Greek (the end of the 40s – the beginning of the 50s of the 16th century), preserved in the lists with writer's autographs. This article presents the results of analysis of *The Word of Praise to Peter and Paul*, which contains the largest number of glosses and marginalia. They allowed us to conclude that the glossing was not a one-act process which took place simultaneously with collected works compilation. The type of marginal notes made by the author and scribes in the

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurova@ngs.ru.

Ludmila I. Zhurova – Doctor Philological Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

margins of manuscripts makes it possible to see how Maximus the Greek edited his own texts which already contained glosses and marginalia. Disclosure of symbolism and figurative narrative, deepening of the meaning of the text, its commentation should be recognized as the main functions of glosses in the text of *The Word of Praise to Peter and Paul*. Glosses in the writings of Maximus the Greek, unlike the Words of Metropolitan Daniel, are diverse in their purpose. They are a tool which reveals the meaning of the text. They serve as a means of communication of the author (editor) and the reader, providing reception of the work. Glosses often had the character of allegorical and moral interpretations (allegorical and tropological type). The article attempts to identify the signs which distinguish the author's glosses from scholia compiled by scribes. The numerous glosses observed in the manuscripts of the 16th century reflect the dynamics of development of the book culture of Muscovite Rus' and level of understanding and perception of the text.

Key words: gloss, marginal, autograph, *Sobornik of Metropolitan Daniel*; *Joasaph, Nizhny Novgorod-Paris, Trinity collected works of Maximus the Greek*; book culture of Muscovite Rus.

Одна из важнейших и сложнейших проблем текстологического анализа средневекового произведения заключается в определении функций глосс в движении авторского текста. Наметить подходы к ее решению на примере анализа сочинений митрополита Даниила и Максима Грека – цель настоящей статьи. Книжная культура Иосифо-Волоколамского и Троице-Сергиева монастырей, с которыми связано творчество митрополита Даниила и Максима Грека, предоставляет богатый материал для исследования. Большое значение в его проведении имеют работы лингвистов. О причинах постановки глосс писала Л.С. Ковтун: «...надо иметь в виду, что писаны они (глоссы. – Л.Ж.) переводчиками, справщиками и копиистами, и многие из них предназначены не только для читателей рукописных книг, а имели и профессиональный интерес: варианты приводились для того, чтобы показать, какой из произвольников был предпочтителен другим, из каких материалов был сделан выбор. Тем самым давалось обоснование этого выбора, но вместе с тем представлялась возможность пересмотреть его, уточнить при переписке или новом переводе достигнутый результат» [1, с. 217–216]. Через много лет замечательный исследователь древнерусской лексикографии повторила это положение [2, с. 8–9]. В рукописной традиции находим много примеров, когда дополнительные чтения или синонимы подводились не только к неизвестным, малораспространенным словам, к иноязычной лексике, но и к распространенным выражениям.

Поскольку записи на полях средневековых рукописей имели разную функциональность, то для корректности анализа необходимо обратить внимание на их классификацию, принятую в книжной культуре XVI в. Глосса (или схолия) – это запись, исполняющая в первую очередь роль толкования слова или выражения, она может представлять (предлагать) вариант чтения, но обязательно связана со смыслом текста и выделяет его значение, следовательно, связана с памятью. Маргиналия – запись на полях, выполняющая функцию комментария текста, она, как правило, передает мнение, оценку читателя (читателем может быть сам автор) и составляет затекстовую информацию. Вставки – это восполненные пропуски или дополнения, представляющие собой новый текст. Все эти вспомогательные средства средневековые книжники активно использовали в своем творчестве.

Опыт глоссирования можно видеть в работах книжников Иосифо-Волоколамского монастыря. По

наблюдениям А.И. Алексеева и А.А. Манохина, большое число исправлений и уточнений содержит список «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого – ГИМ. Епархиальное собр., № 340, 10-е гг. XVI в. [3, с. 215–217]. На очереди обобщение практики редактирования трудов игумена.

В Словах «Соборника» митрополита Даниила (далее: *МДА 197*), составленного на рубеже 20–30-х гг. XVI в. (Основной список РГБ. Ф. 173 № 197, филигранный 1526–1530 гг. [4, с. 77]), глоссы приходятся на вторую часть Слов Даниила – «свидетельства». Они коррелируются с апостольским и святоотеческим текстами, выписками из сочинений проповедников и различных сборников (например, «Старчество»). «Свидетельства» в Словах «Соборника» представляют собой некую богословскую антологию, которая в какой-то степени помогала проповеднику решать задачу просветительства – о ее актуальности писал Д.М. Буланин [5, с. 51]. Тематические подборки прецедентных текстов – флорилегии – составлялись образованными иноками Иосифо-Волоколамского монастыря, которые были заняты в митрополичьей книжной мастерской. Более чем вероятно, что эта работа велась по заданию Даниила.

При формировании Слов «Соборника» церковный писатель, видимо, использовал подготовленные комплексы выписок. Примером такого флорилегия может послужить рукопись РГБ. Ф. 98. № 550 (филигранный: Piccard, № 258 – 1528 г., № 261 – 1528 г.; далее: *Егор 550*)¹. Сборник составлен из выписок сочинений святых отцов на тему крестного знамения и почти полностью совпадает со «свидетельствами» четвертой главы «Соборника» Даниила «О крестном знамении». В этом Слове все глоссы сопровождают статьи «свидетельств». Эти же схолии находим в *Егор 550*, но здесь они внесены в текст и создали дублирующие чтения. Так, в *МДА 197* к фразе «слово же не вси вѣмы» (л. 110 об.) подведена глосса «вину же», вписанная на поле под киноварными знаками, смысл выражения: «но не все знаем тому причину». Это выписка из Слова Василия Великого «О Святом Духе. К блаженному Амфилохию» (27 глава). В этом фрагменте речь идет о том, почему во время молитвы мы стоим, обратившись на восток. В *Егор 550* читаем: «слово же, вину не вси вѣмы» (л. 21). Аналогичный пример: в *МДА 197* «своя питомца Церкви накажет» (л. 111). Над словом «питомца» киноварные знаки

¹ Приношу благодарность А.А. Манохину, указавшему мне на эту рукопись.

гlossы, на правом поле вписано почерком неосновного писца под киноварными знаками glossы «чада». В *Егор 550*: «своя чада питомца Церкви наказует» (л. 21 об.). Подобных случаев в Словах «Соборника» довольно много. В истории рукописного текста, как правило, внесение glossы в строку и составление синонимичной пары – признаки второго этапа работы книжника с текстом. Причина вариативности чтений, видимо, заключается в сопоставлении книжниками (или самим Даниилом) разных переводов святоотеческих сочинений. Рукописи *Егор 550* и *МДА 197*, судя по филиграммам, датируются практически одним временем – концом 20-х гг. XVI в. Какая между ними зависимость?

На основе текстологического анализа можно сделать вывод о том, что «свидетельства» Слова 4 Даниила не являются копией сборника *Егор 550*. Во-первых, состав статей «свидетельств» в «Соборнике» несколько сокращен, и сделаны их перестановки; во-вторых, в тексте *Егор 550* допущены пропуски, которых нет в главе «Соборника» Даниила (пропуски выделены курсивом): «им же всяку силу их разруши Христос и дракону отсѣче главу» (*МДА 107*, л. 108; *Егор 550*, л. 12), «Его же, христиане, на всяко время им» (*МДА 197*, л. 109; *Егор 550*, л. 18 об.), «рече Василии Великий» (*МДА 197*, л. 117; *Егор 550*, л. 26 об.).

Ряд пропусков сделан и в «Соборнике», и они доказывают отсутствие прямых связей между *МДА 197* и *Егор 550*. Но, безусловно, в этих сборниках использован общий источник. В *МДА 197* он подвергся редактированию. Так, изменилась структура названий статей. Например, в *Егор 550* заголовок: «От псалма 29-го. “Даль еси боящимся Тебе знамение, еже убѣжати от лица лука”. Толкъ Афонасия Великого»; в *МДА 197*: «Афанасиево. От толкования псалма 29-го. “Даль еси боящимся Тебе знамение, еже убѣжати от лица лука”». Номер псалма – 29 вместо 59 (Пс 59:6) – в обоих текстах ошибочен, что еще раз указывает на общий источник *Егор 550* и *МДА 197*, содержащий glossы. Имеются и другие примеры того же ряда. В *МДА 197*: «Оригеново. От толкования псалма четвертаго», «Феодоритово. От толкования псалма двадесят втораго»; *Егор 550*: «От псалма 4-го», «От псалма двадесят втораго». Особенностью заголовков в *МДА 197*, как видим, стала их авторизация. Она может быть признана следствием редактирования, выполненного Даниилом.

На собиране тематических комплексов в книжной мастерской митрополита, использованных в его трудах, указывает история «Сводной Кормчей» Даниила, составленной в 30-е гг. XVI в. [6, 225–228]. Важно отметить само существование в книгописной мастерской московского митрополита подобных антологий и отражение в них практики glossирования.

Согласно герменевтической классификации, в которой выделены буквальный, аллегорический, тропологический и анагогический типы истолкования, glossы в Словах Даниила большей частью представляют собой буквальные интерпретации, и на полях рукописи «Соборника» Даниила (*МДА 197*) наблюдаем, как правило, синонимические или грамматические варианты чтений,

и большинство gloss вписано почерком основного писца. Следовательно, они появились одновременно с переписыванием текста, они уже находились в источнике. Например, во фразе из Правила 21 Василия Великого «обычай же сице утверди» к глаголу на поле подведен вариант «удержа» (Слово 14, л. 469 об.), в таком виде выражение представлено в «Сводной Кормчей» Даниила, что доказывает использование обоими сводами одного и того же текста. Вариантные чтения, обратим внимание, соотносятся с предикатами: «Яко начертанием Честнаго и Животворящаго Креста отгоними суть бѣси и различнии недуги» (Слово 4, л. 96, Слово Иоанна Дамаскина), glossа – «бывают»; «Что бо ради рци ми: тяжко быти мнится повелѣние», glossа – «видится» (Слово 10, л. 337 об., Толкование на Евангелие).

Ряд gloss представляет иную редакцию текста. Так, в том же Слове Иоанна Златоуста «Къ иудеом о трубах пасхы ихъ», которое вошло в «свидетельства» Слова 8 «Соборника» Даниила, читаем в строке: «онъ и съкруши, обви главу свою оружным ремнем, и очи свои закры», glossа на поле: «обяза главу свою поясанием мечя» (л. 253 об.). В 9-м Правиле Василия Великого к фразе: «не отлучатися от жены», glossа – «обдержимом быти от жень» (л. 468, Слово 14), она соответствует, по мнению А.А. Манохина, «старому тексту русских редакций» [6, с. 229]. Следовательно, при составлении «свидетельств» редакторами привлекались разные переводы сочинений отцов Церкви, и расхождения между ними породили glossы. Записи, сделанные почерком основного писца, скорее всего, передают все особенности протографа.

Итак, практически все glossы в «Соборнике» приходятся на «свидетельства». Редкий случай glossирования наблюдаем в самом авторском тексте Даниила. Так, в «Наказании» Слова 10 «Аще нѣкаа злаа сътворимъ братиамъ нашимъ: или укоримъ, или оклеветаемъ, – въ таяжде впадемъ» читаем: «Иисус Христос долго терпѣ о прегрѣшениахъ нашихъ», над словами «о прегрѣшениахъ» – киноварные знаки glossы, на поле под теми же знаками почерком основного писца вписано «о законопреступленияхъ» (Слово 10, л. 351 об.). Этой glossы нет в других списках сочинения. Значение слова «законопреступление» более узкое, нежели «прегрешение», поэтому такая редакция фразы точнее передает смысл высказывания. Вероятно, это пример авторской редакции.

Glossы же, вписанные почерком другого книжника, могли появиться на каком-то этапе бытования текста и датировке не поддаются. Но, безусловно, они возникали в результате сверки сочинений святых отцов по разным письменным источникам.

Судьба gloss в рукописной истории «Соборника» XVI–XVIII вв. отражает общую тенденцию в развитии книжной традиции Московской Руси – их утрату. Так, в списке «Соборника» Даниила, составленном в конце XVI в., – РНБ. F.I.522, подавляющего большинства gloss, известных в *МДА 197*, нет. Элиминирование glossария в этой рукописи нельзя считать случайным явлением, поскольку мы наблюдаем не утрату, а отказ

от схолий. В старообрядческой книжности, где «Соборник» Даниила представлен рукописью ГИМ, собр. Хлудова, № 87, конец XVII в., новых глосс не находим. Выговские книжники безоговорочно восприняли сочинение Даниила, продемонстрировав тем самым свое отношение к церковному писателю.

Итак, глоссы в «Соборнике» Даниила связаны с выписками из сочинений святых отцов и учителей Церкви. Они носят характер вариантных чтений, отразивших различные переводы проповеднической литературы византийских писателей, бытовавшие в Московской Руси первой половины XVI в. Маргинальные записи в авторском кодексе митрополита не содержат экзегетического опыта прочтения богословского текста.

В творчестве Максима Грека глоссы, наряду с синонимичными вариантами, представляли толкования иносказаний и нравственных положений. На практику глоссирования, безусловно, оказала влияние переводческая деятельность ученого монаха, в первую очередь перевод византийской энциклопедии X в. Лексикона «Свиды» [5, с. 53–81; 7, с. 67–69]. Основная тенденция, выявленная Д.М. Буланиным при изучении истории текста «Свиды», – «эволюция в направлении более свободного отношения к оригиналу» [5, с. 70]. Опыт такой работы обусловил особенности редактирования Святогорцем собственных сочинений, которое представлено многочисленными глоссами и маргиналиями на полях рукописей, сохранивших обширное публицистическое наследие писателя. Н.В. Сеницына считала, что наличие глосс является приметой первоначального варианта текста писателя, а их утрата свидетельствует о более поздних стадиях в истории памятника [8, с. 40–41]. Изучение рукописного наследия писателя позволяет уточнить и расширить вывод исследователя.

В ранних сочинениях Максима Грека (до суда 1525 г.) глосс немного. Из четырех посланий дипломату, окольному Федору Ивановичу Карпову наибольшее число глосс находим в первом «Слове на латинов», посвященном обсуждению *filioque* [9, с. 174–183]. Они вписаны на поле рукописи середины XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 791) и относятся к буквальным толкованиям: например, «еретические бредни» – глосса «лгания», «чревом» – «утробамъ», «ложными изъяснением» – «обличением», «аристотельския силлогизмы» – «слогны», «художества логискии» – «словесная», «софизматы» – «злостытвы».

В других ранних сочинениях Максима Грека глоссы единичны. Так, во втором послании против латинян находим: «Параклитово» – глосса «Утѣшителиво» [9, с. 213], в «Послании россиянам, сербам и болгарам»: «делту» – глосса «бочку» [9, с. 357]. Единственная глосса появилась в Послании Василию III о переводе Толковой Псалтыри. Так, в цитате из сочинения Григория Богослова: «Ориген иже всем нам осла», к слову «осла» (т.е. «оселок») подведена глосса, вписанная на поле рукописи (РНБ. СПб. ДА.А.1/171, рубеж 40–50 гг.) – «брусь» [9, с. 157].

Практически это весь перечень схолий, относящихся к ранним сочинениям Максима Грека. Обра-

тим внимание, что они находятся в рукописях середины XVI в. и, как видим, представляют синонимы. Л.С. Ковтун отмечала, что «языковая ситуация, особенно со второй половины XVI в., когда начался длительный процесс сложения языка русской нации и ее литературного (образцового), теперь уже национального языка, была такова, что в течение более чем двух веков у слов любых категорий, в том числе и терминов и названий обиходных предметов... наблюдалась широкая синонимика» [2, с. 9]. Таким образом, глоссы в сочинениях Максима Грека отражают начальный этап этого процесса.

Отметим, что рукописи, датируемые 20-ми гг. XVI в., сохранившие ранние сочинения Максима Грека (РНБ, Софийское собр., № 1498; ГИМ, Епархиальное собр., № 405; ГИМ, Синодальное собр., № 384), не имеют глосс вовсе. Это может означать, что Святогорец в первые годы своей писательской деятельности на Руси нечасто практиковал глоссирование. Как правило, писатель давал толкование слову в строке, вводя его с помощью союзов. Так, во втором послании Ф.И. Карпову против предсказательной астрологии находим следующую синтаксическую конструкцию: «еггастримифии, сирѣчь ко отвѣщающе и бѣсом во чревѣ носимом» [9, с. 328].

В сочинениях Максима Грека комментарии к греческим словам могут вовсе отсутствовать. Так, в «Послании о фортунах» (37 глава Иоасафовского собрания) нет глоссы к слову «имарменин» во фразе, правленной в рукописи РГБ, ф. 37, № 285 рукой Максима Грека (автограф выделен шрифтом ижица): «тихинь и имарменинъ обыкоша нарицати», но имеется глосса к слову «тихинь» – «счастье» (л. 141); в «Слове на Альманака» нет толкования слова «Идрохои»: «снтиемъ планити и зодиев, еже въ Идрохоѣ быти» (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 4025, л. 114 об.). Такие примеры нередки. Следовательно, глоссирование в творчестве Максима Грека на раннем этапе его творчества не носило системного характера.

Множество глосс и маргиналий содержат собрания сочинений Максима Грека – Иоасафовское и Хлудовское, составленные в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. и сохранившиеся в прижизненных списках с автографами писателя. В двух списках Иоасафовского собрания – РГБ, ф. 173/I, № 42, л. 41–60 (далее МДА 42) и РГБ, ф. 173/III, № 138, л. 12–29 об. (далее МДА 138) – большое число глосс сопровождает текст 7-й главы: «Слово похвалное къ святымъ апостоломъ Петру и Павлу, в томъ же обличение и на латыньския три болшиа ереси».

Их анализ выполнен Н.В. Сеницыной в комментариях к изданию [8, с. 358–362]. В данной статье предложена иная интерпретация глоссария выбранного текста. Н.В. Сеницына полагала, что «глоссирование, отраженное в совокупности собраний, было одноактным процессом, проходившим параллельно с созданием основного текста произведения, не только не возрастало от собрания к собранию, но напротив, сопровождалось утратой ряда глосс» [8, с. 41]. Безусловно, тенденция утраты глосс – закономерность в раз-

витии рукописной истории средневекового текста. Но не могу согласиться с утверждением, что появление глоссы было «одноактным процессом». Изучение рукописной традиции сочинений писателя обнаруживает многократное обращение к ним автора, писцов и, как следствие, многослойную правку текста.

Надписи на полях рукописи *МДА 42* к «Слову похвальному Петру и Павлу» приходятся на ту часть «Слова», где речь идет об обличении латинских ересей; следовательно, появление толкований обусловлено тематикой произведения, его полемическим пафосом, привлекающим читателя к обсуждению проблемы. Некоторые записи на полях следует отнести к маргиналиям (Н.В. Синицына назвала их «структурообразующими глоссами» [8, с. 359]). Так, в «Слове похвальном Петру и Павлу» три киноварные записи, представленные на полях в виде вертикальных строк, являются, по сути, подзаголовками, отграничивающими темы повествования на «латынския три болия ереси»: «Отселѣ на латынскую ересь, глаголемую пургаторионѣ, сирѣчь огонь чистителный...» (л. 42–48 об.), «Отселѣ на латынскую ересь о происхождении Святаго Духа» (л. 51 об.–52), «Отселѣ на латынскую ересь ересь о опрѣсноцѣхъ» (л. 57 об.–58 об.). Еще одна маргиналия указывает на возвращение повествования к теме похвального слова, она встроена в рассуждения о первой латинской ереси: «Възвращение к хвалѣ святыхъ» (л. 49 об.–50).

Вполне вероятно, что эти надписи сделаны по указанию автора. Они отмечают внутренние границы текста, в котором представлены три сюжета: о чистительном огне, об исхождении Святого Духа, об опресноках – и служат они ориентирами для читателя. Маргиналии сохранены в рукописях XVI–XVII вв., причем иногда они интерполированы и представлены как киноварные подзаголовки текста, что отражает рецепцию книжников (читателей).

Есть основания полагать, что Максим Грек редактировал «Слово похвальное Петру и Павлу» после того, как текст уже был закончен, оформлен киноварными глоссами и маргиналиями. Визуальный анализ позволяет видеть, как слова, вписанные рукой писателя черными чернилами на полях *МДА 42* и *МДА 138*, аккуратно встроены, буквально втиснуты рядом с киноварной маргиналией. Так, в *МДА 42* (л. 43 об.) рядом с маргиналией «О чистительном огне» рукой Максима Грека вписана глосса «въздааниу» к слову «венцем», причем этими же чернилами поставлены надстрочные знаки к отдельным буквам киноварной маргиналии, которые свидетельствуют об авторской правке. Слова «лъжи мглу» вписаны Максимом Греком рядом с маргиналией «Възвращение к хвалѣ святыхъ» (*МДА 42*, л. 49 об.). Появление этой глоссы необходимо объяснить, поскольку эти же два слова читаются в строке: «лъжи мглу отгна». Видимо, автору не понравилось их написание, которое можно прочитать как «лъжим глаголу отгна», поэтому он скорректировал чтение: переписал слова на поле, при этом еще вставил по стертому букву «о» (омегу) в слове «отгна».

В *МДА 138* (л. 22) рукой Максима Грека вписаны два слова: «Сам» (слово зачеркнуто на поле и вписано над строкой) и «аггелъ» (расположено около вертикальной строки «О Святом Духе»). Можно привести и другие подобные примеры. Итак, визуальные наблюдения позволяют утверждать, что автор вносил свою правку, вписывая глоссы в собственный текст, который книжниками был оформлен как законченный вариант. Глоссирование в сочинениях Максима Грека, как видим, не было одноактным процессом. Авторская правка, в том числе глоссирование, датировать которую практически невозможно, свидетельствует о продолжении творческого процесса писателя, который оборвался только с его кончиной (1556 г.).

В *МДА 138* автографов (в том числе авторских глосс) Максима Грека больше, чем в *МДА 42*. Так, к слову «нектара» («испълнѣ нектара») вписана глосса «сирѣчь Божественнаго Духа» (л. 21); во фразе «не по слову божественнаго существа равно бо тои въ триех познавается» в *МДА 138* рукой Максима Грека исправлено указательное местоимение «тои» на «то» и вписана глосса «сирѣчь существо» (л. 25 об.), которую скорее всего надо квалифицировать как вставку. Во фразе «жук мотылороденъ съвершенъ показался еси с въриски всегда выспрь движа» к слову «въриски» почерком Максима Грека в *МДА 138* подведена глосса «толк: сирѣчь круги мотыльны» (мотыло – помет) (л. 26 об.). К выражению «трисолнечному естеству» в *МДА 138* подведена глосса «сирѣчь Святыи Троици» (л. 22 об.).

Эти глоссы неожиданно обнаруживаем в рукописи Троицкого собрания (далее *ТСЛ 200*) в РГБ (ф. 304, № 200, 20-е гг. XVII в.), они вписаны на л. 43 об., 46–46 об. почерками неосновных писцов как черными чернилами, так и киноварью. Троицкое собрание – один из интересных и сложных проектов русских книжников начала XVII в., к сожалению, практически не исследованный. Яркой особенностью рукописи *ТСЛ 200* является многочисленная и многослойная правка. Очевидно, что на каком-то этапе (довольно раннем) своего бытования рукопись была сверена с другими источниками, хранившимися в архиве Максима Грека, который после смерти писателя находился в Троице-Сергиевом монастыре, его последнем пристанище. Книжники при составлении нового свода трудов ученого монаха привлекали разные списки, проводили текстологическую работу, подводили разночтения, помечая их на поле *ТСЛ 200*. Это хорошо видно по правке текста рукописи, выполненной несколькими писцами. Так, к первой маргиналии дописано три слова (выделено курсивом): «Отселѣ на латынскую ересь, глаголемую пургаторионѣ, сирѣчь огонь чистителный, даже до сего мѣста зри прилъжно, о четцю, и разумѣи извъѣстно и смотри внятнѣ» (*ТСЛ 200*, л. 40); следующая глосса получила продолжение в виде киноварной приписки (выделено курсивом): «шестокрылатых серафимъ глаголет и многоочитых херувимъ» (*ТСЛ 200*, л. 44). Этих новых фраз нет в других рукописях. По ним можно судить о творческом потенциале иноков Троице-Сергиева монастыря.

Некоторые глоссы, известные по правленному тексту *ТСЛ 200*, находятся в списках Нижегородско-Парижского собрания (или собрания в 112/113 глав) – Paris. Man. Slave 123 (далее *Slave 123* или *НПС*) и ГИМ, Синодальное собр., № 491. Обе рукописи датируются концом XVI в., Парижская рукопись – *Slave 123*² – в последнее время стала предметом особого внимания [8, с. 33–39]. Ряд сочинений в этой рукописи (но далеко не все) имеет множество глосс. На основе их изучения Н.В. Сеницына отказалась от собственной концепции об истории прижизненных собраний сочинений Максима Грека, отдав предпочтение *НПС*, посчитав, что его архетип сохранил первоначальные варианты текстов писателя. Заключение историка было рассмотрено мною в одной из статей и сделан предварительный вывод о вторичной (по сравнению с Иоасафовским собранием) природе Нижегородско-Парижского собрания³.

Рукописи *НПС* грешат многими писцовыми ошибками и пропусками. Так, из трех маргиналий, обозначающих темы повествования, в *Slave 123* приведена только одна – об исхождении Святого Духа. Нет целого ряда глосс, сохранившихся в *МДА 42* и *МДА 138*. Ряд надписаний на полях *НПС* представляют собой исправление чтений. Так, вместо слова «нужу» во фразе: «сказау нужу и подвигы» (*МДА 42*, л. 47) в *НПС* написано «сказау скорбь и подвигы», а на поле видим запись: «нужу» (*Slave 123*, л. 181). Происхождение слова «скорбь» в тексте *НПС* можно объяснить контекстом: этому чтению предшествует евангельская цитата: «...прискорбными потщитися враты внити» (Мф 7:13), и писец мог написать слово «скорбь» вместо «нужу» по инерции.

Другое чтение, которое Н.В. Сеницына тоже считала архетипичным в *НПС* [8, с. 360–361], на самом деле ошибочно. Сочетание «божественными свѣтлостми» во фразе: «жития же и слова божественными свѣтлостми преизящнѣ вѣстекше к славе Оного» (*МДА 42*, л. 41 об.) в *НПС* заменено на «божественными цвѣты», но на поле писец вписал «свѣтлосми» (л. 175), тем самым исправив ошибку. По смыслу и грамматической форме лексема «цвѣты» не вписывается в контекст (перевод: «божественными блистаниями жития и слова прекрасно востекли к славе Его»). В *ТСЛ 200* слово «цвѣты» зачеркнуто кинноварью, но глоссы вовсе нет (л. 37 об.). Это же сочетание встречаем в другом фрагменте «Слова»: «не терпяще божественную свѣтлость, нестерпимую сущую» (л. 53 об.), что еще раз доказывает его принадлежность авторскому тексту.

Важным моментом истории текста памятника является тот факт, что ряд глосс известен только *НПС* и *ТСЛ 200*, т.е. их нет в прижизненных списках *МДА*

42 и *МДА 138*. Так, во фразе «еже приносити безквасна съвършеному живота хлѣбу» (*МДА 42*, л. 58) к слову «съвършеному» в *НПС* и *ТСЛ 200* подведена глосса «сирѣчь Христу». Слову «догму» («злочестиву догму его обличити писмены») (*МДА 42*, л. 58 об.) дано толкование: «сирѣчь мудрование». Местоимение «их» («их же честное и благочинное житие тщания», *МДА 42*, л. 59) сопровождается глоссой: «толк священник сирѣчь». Эти схолии приходится на третью часть «Слова похвального Петру и Павлу»: латинскую ересь – опресноки. Видимо, Максим Грек специально обратился к заявленной теме на каком-то этапе редактирования сочинения. Глоссы могли находиться в недошедшей до нас рукописи, но нет оснований считать, что она старше и исправнее *МДА 42* и *МДА 138*.

Главной функцией глосс в сочинениях Максима Грека является раскрытие символики, образности повествования. Так, в «Слове похвальном Петру и Павлу» дважды к слову «таиннику» подведена глосса «сирѣчь Моисею» (*МДА 42*, л. 52 об., л. 53 об.); «земленое» – глосса «плоть» (л. 53); «пяточисленных дверей» – «пятих чювствъ глаголетъ» (л. 53), «исследовати неизследованнаа» – «сирѣчь таины божественнаа» (л. 53 об.); «сѣни» – «всего Ветхаго закона глаголетъ» (л. 52 об.); «чюжих словесъ» – «сирѣчь еллинска философия» (л. 56 об.); «словеса сущих» – «толк, сирѣчь тварей видимых и невидимых» (л. 53 об.); «божественнаа четворицы» – «четырех Еуагелии» (л. 56 об.). Эти глоссы сохранились во всех списках сочинения, что указывает на их архетипичную природу.

Другой ряд глосс углубляет, уточняет смысл текста, а следовательно, и замысел писателя. Так, к слову «предѣль» во фразе «достигше къ концу обыщих предѣль» (л. 43) подведена запись на поле: «еже есть смерть», которую можно рассматривать и как уточняющую вставку. В рукописи *Slave 123* читается другой вариант: ««достигше къ концу обыщих урокъ», на поле со знаком глоссы к слову «урок» вписано «предѣль еже есть смерть» (л. 177). Вероятно, чтение «урок» в значении «определенное, урочное время» принадлежит книжнику, в трудах Максима Грека это слово не встречается, тогда как лексему «предѣль» находим в ряде его сочинений, например: «Пребудимъ убо внутрь предѣль неблазненнаго богоразумиа» (*МДА 42*, л. 334, 37-я глава Иоасафовского собрания); «предѣлы и уставы отеческия престаляти нѣсть на ползу» (РГБ. Ф. 37. № 285. Л. 244, 69-я глава Хлудовского собрания). В списке *Slave 123* редактор внес глоссу в результате сверки с авторским текстом, причем она не была, как видим, достаточно корректна. В *ТСЛ 200* эта фраза имеет вид: «достигше къ концу обыщих предѣль урокъ», кинноварные знаки глоссы поставлены над обоими словами «предѣль урокъ», на поле глосса: «еже есть смерть» (л. 38). Соединение синонимов, возникшее из-за внесения глоссы в строку, является признаком вторичной природы чтения.

Уточняя смысл фразы «Дѣль бо нынѣшнии вѣкъ... вѣнцемъ же – будущи», автор подводит глоссу «възда-

² Гардзанти М. Глоссы рукописи Парижской национальной библиотеки (Paris, Slave 123): между лексикографией и экзегезой // Вестн. Моск. ун-та. 2019. № 3 (в печати).

³ Журова Л.И. К вопросу об истории текста Нижегородско-Парижского собрания сочинений Максима Грека (Paris, Man. Slave 123) // Studi Slavistici. 2019 (в печати).

аниу» к слову «вѣнцем», т.е. «время воздаянию – век будущий», она вписана в *МДА 42* на поле рукой Максима Грека (л. 43 об.). Семантическая разница между словами «вѣнец» и «въздаяние» заметна.

Ряд глосс выполняет свое прямое назначение – толкование. Так, глосса «сѣобшително масло, или елѣи, милостынѣ есть яже к нищим» поясняет фразу: «не украсися сѣобшителным маслом» (л. 43 об.), причем в *МДА 138*, л. 14 эта глосса вписана почерком Максима Грека со словом «толк». Цитата из Символа веры «еже есть «Вѣрую въ единого Бога»» (л. 51 об.) сопровождает фразу: «утвердиша божественное исповѣдание православныя вѣры», в *МДА 138*, л. 21 об. слово «православныя» правлено почерком Максима Грека. С именем «Вирсави» соотносится глосса «Соломона» (л. 53), отсылающая к библейской истории (Вирсавия – мать Соломона).

Н.В. Синицына считала все глоссы в трудах Максима Грека принадлежащими ему. На самом деле это, видимо, не так. Обратим внимание на глоссы, содержащие предикат «глаголет», который может указывать на то, что писец отсылает к автору, т.е. он, автор, говорит. Например: «Аще убо сени» – глосса «всего Ветхаго закона глаголетъ» (л. 52 об.); «въ совершенных мужъ» – «изложено православноу вѣру святыми Соборы глаголетъ» (л. 53); «китом поглощенаго» – «Иону глаголетъ» (л. 53), «пяточисленных дверей» – «пятих чювствъ глаголетъ» (л. 53), «без посредства черпльюща божественных просвѣщении» – «шестокрылатых серафим глаголетъ» (л. 53 об.) и др. Сам Максим Грек часто вводил глоссу с помощью слов «толк», «сирѣчь», что видим в прижизненных рукописях. Например, в *МДА 138* к одному местоимению «овъ» рукой автора подведена глосса «толкъ, сирѣчь Петръ» (л. 21), к другому «овъ» – «сирѣчь Павел» (л. 21 об.).

Глоссы в сочинениях Максима Грека, в отличие от Слов митрополита Даниила, разнообразны по своему назначению, они являются инструментом, раскрывающим смысл текста писателя, служат средством коммуникации автора (редактора) и читателя, обеспечивающим рецепцию произведения.

Помощниками в составлении глоссария нужно признать книжников Троицкого монастыря. В его книгописной мастерской в середине XVI в., т.е. одновременно с редактированием Максимом Греком собственных сочинений, появился первый Азбуковник, и не без влияния Святогорца [10, с. 65–80]. Вторая редакция Азбуковника была составлена в конце XVI в., а это время интенсивного составления обширных сводов сочинений Максима Грека русскими книжниками.

Безусловно, глоссарий в трудах Максима Грека отражает уровень книжной культуры Московской Руси, и в этом процессе принимали участие как автор, так и книжники. Автор стремился уточнить некоторые позиции своего высказывания, дать толкование, углубить смысл слова или фразы, обратить внимание на ее духовный смысл. Он решал просветительские задачи. Книжники своими надписаниями продолжили практику автора, они способствовали повышению культуры

чтения, демонстрировали свое восприятие текста, его понимание. И оно было достойным.

Еще раз хочется обратить внимание на выводы лингвистов: «Глоссы Максима Грека следует отнести к числу тех материалов, совокупность которых может представить в живой реальности процесс тысячекратных усилий писателей и всего народа, направленных на создание литературного языка Нового времени» [11, с. 126].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 446 с.
2. Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 112 с.
3. Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемике 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
4. Кloss Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
5. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 278 с.
6. Манокhin А.А. Сводная Кормчая митрополита Даниила и её место в каноническом праве: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 406 с.
7. Синицына Н.В. Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.
8. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. II. 432 с.
9. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Индрик, 2008. Т. I. 568 с.
10. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 351 с.
11. Ковтун Л.С., Синицына Н.В., Фонкич Б.Л. Максим Грек и славянская псалтырь. Сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI века. // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М.: Наука, 1973. С. 99–127.

REFERENCES

1. Kovtun L.S. Russian lexicography of the Middle Ages. Moscow, Leningrad, 1963, 446 p. (In Russ.)
2. Kovtun L.S. Ancient dictionaries as the Russian historical lexicology source. Leningrad, 1977, 112 p. (In Russ.)
3. Alekseev A.I. Writings of Joseph Volotsky in the discussion context of 1480–1510. Saint Petersburg, 2010, 390 p. (In Russ.)
4. Kloss B.M. Nikon's and Russian chronicles of the XVI–XVII centuries. Moscow, 1980, 312 p. (In Russ.)
5. Bulanin D.M. Translations and Epistles of Maximus the Greek. Leningrad, 1984, 278 p. (In Russ.)
6. Manokhin A.A. Cumulated nomocanon of Metropolitan Daniel and its place in the canon law: dissertation. Moscow, 2018, 406 p. (In Russ.)
7. Sinitsyna N.V. Maximus the Greek in Russia. Moscow, 1977, 332 p. (In Russ.)
8. Venerable Maximus the Greek. Writings. Moscow, 2014, vol. 2, 432 p. (In Russ.)
9. Venerable Maximus the Greek. Writings. Moscow, 2008, vol. 1, 568 p. (In Russ.)
10. Kovtun L.S. Lexicography in Muscovite Rus' of the XVI – early XVII centuries. Leningrad, 1975, 351 p. (In Russ.)
11. Kovtun L.S., Sinitsyna N.V., Fonkich B.L. Maximus the Greek and Slavonic psalter. Composition of the norms of literary language in the translation practice of the XVII century. *Vostochnoslavjanskije jazyki. Istochniki dlya ikh izucheniya*. Moscow, 1973, pp. 99–127. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 08.07.2019